

# ОРУЖИЕМ СМЕХА

В. СУХАРЕВИЧ

Само название этого

спектакля говорит о какой-то неуверенности его создателей в избранном ими пути. «Смеяться,

право, не грешно!» — ведь в этой старой стихотворной строке выражено и стремление оправдаться, кого-то убедить в том, что, право же, надо смеяться над тем, что заслуживает осмеяния. Смысл этого названия, его полемический оттенок раскрывается и в прологе.

Едва смолкли звуки увертюры, как на сцену из зрительного зала выходит такой замшелый, с мохнатыми, насупленными бровями строгий гражданин и сразу, сославшись только на оглавление спектакля, начинает бранить актеров:

— У нас огромные достижения, колоссальные успехи, а вам смешно?

Актеры оправдываются:

— Речь идет не об успехах, а о недостатках.

— Тем более. У нас недостатки, а вам смешно?

Такова «неотразимая логика» врага смешного. Конечно же, он — фигура символическая. Его не только сразу же выталкивают со сцены в буквальном смысле слова. О том, что он убран со сцены в самом широчайшем смысле с радостью сообщает зрителям Аркадий Райкин, сняв парик, грим и костюм замшелого.

У Ленинградского театра миниатюр под руководством А. Райкина большой опыт, многолетняя история. Есть у него и свой авторский актив. Несколько программ сделал для театра В. Поляков. Автора и театр сроднило не только пристрастие к одним формам и средствам выражения, но и единство цели: желание бороться оружием смеха против всего, что заслуживает сатирического огня.

Однако оглядка на еще недобитых врагов смешного, один из которых выведен в прологе, быть может, и привела к тому, что не всегда театр верит в силу и могущество смеха, что в новом его спектакле есть и точные мастерские попадания и существенные промахи.

Вот сценки, имевшие наибольший успех у зрителей. На просцениуме возникает разговор о вежливости. Лектор А. Райкин горячо обличает людей невежливых. Беседа привлекает на сцену слушателей — актеров. Они выносят на просцениум стулья, рассаживаются, дружно поддерживают лектора, изъявляют готовность учиться в школе вежливости. Но вот лектор и его слушатели закончили беседу. Мужчины, дружески беседуя, пошли за кулисы. А женщина взяла все стулья и понесла. В зале хохот. В нем звучит и радость догадки и злое осмеяние показной вежливости.

Лектор читает лекцию о моральном облике семейного человека. Из-за левой кулисы ему сообщают — пришла жена. Лектор от нее отмахнулся. Тогда его зовут из-за правой кулисы, и оттуда его тоже зовет жена — вторая. Лектор объявляет о том, что по техническим причинам лекция отменяется, и убегает. В зале хохот — разоблачен лицемер.

Почему же так смеются зрители в конце этих и других миниатюр, кратких, ясных, с неожиданным финалом, с острым комедийным трюком? Да потому, что они лишены назойливого морализирования, совершенно нетерпимого в комическом искусстве. Ведь смех всегда возникает там, где с остротой, неожиданностью, несообразностью, иногда даже с отступлением от здравого смысла, явление показано так, что нам ясно, кого и за какие прегрешения осмеивают театр и драматург. Значит, надо смелее доверять смеху, его разоблачительной силе. Надо искать такие объекты, где

и без указующего перста ясно, кто вор и на ком шапка горит.

В такого рода миниатюрах-анекдотах ко-

мический эффект достигается тем, что автор и актеры доверяют уму и сообразительности зрителей, их чувству юмора, их знанию жизни. И как гаснет смех, каким холодным и равнодушным становится зал, как только автор и театр начинают привешивать к анекдоту, даже хорошо найденному и разыгранному, совершенно ненужную, назойливую мораль.

Вот на наших глазах совершает карьеру, поднимаясь по служебной лестнице, человек. На сцене эту лестницу изображает лестница обыкновенная. У ее подножья человек вежливо уславливается о встрече с другом. Но вот он поднялся ступенькой выше, и уже к другу у него иное отношение: «Ты извини меня, пожалуйста, у меня сейчас тут народ!..» Еще на ступеньку выше, и он уже рычит: «Я же вас просил не соединять меня с этим типом...» С грохотом скатился человек с лестницы. И теперь он сам, согбенный, звонит своему другу и жалобным голосом просит о встрече. Все ясно. Комментарий излишни. Но актер, все сыгравший, выпрямляется и начинает говорить тоном прокурора: «Мудро устроена эта лестница. Она недолго держит на себе подобных людей...» и т. д. Зачем эта риторика? Зачем здесь расшифровывается словами то, что уже зло высмеяно, раскрыто действием, то, что мы видели воочию и поняли без долгих слов?

Характерно, что наименьший успех имеют те вещи, где нет ясного сатирического направления или чрезмерно мелки и неинтересны объекты сатирического осмеяния, такие, как подхалим Козулин («Катастрофа») или писатель-графоман («Муки творчества, или Зачем это надо»), дамы, перепархивающие от мужа к мужу («Подруги»). В этих миниатюрах ощущается примитивность построения, беден язык, банальны пародийные мотивы, нет оригинальности в трактовке темы.

Искусство малых форм может и должно ставить себе большие задачи, брать под обстрел крупные отрицательные явления нашей жизни и быта. Оно должно мужать и крепнуть. И знаменательно то, что искусство А. Райкина, грешившего в прошлом некоторым инфантилизмом, наигранной простецой, кажется иным в этом спектакле. Боевое сатирическое содержание большинства миниатюр подсказало и новую форму актерской игры, энергичней стал ритм речи, уверенней движения, горячей обличительный темперамент. И оттого, что Райкин стал играть еще лучше, стало яснее, насколько плохо играют некоторые из его партнеров. Если участники многих миниатюр — Г. Новиков, В. Горшенкина, В. Деранков — достойно поддерживают ансамбль, то, к сожалению, почти все остальные участники труппы только, как говорят актеры, «подают текст». И жаль, что даже с теми актерами, которые явно не лишены способностей, режиссура (постановка В. Норда), видимо, работает недостаточно серьезно. Ближайшая задача театра — пополнение труппы хорошими актерами и серьезная работа с молодежью.

Даже разбор одной только программы Ленинградского театра миниатюр показывает, сколько высокого профессионализма, умения, знания законов комического проявили театр и его автор. Важно только не оглядываться на людей, подобных тому, который выведен в прологе спектакля, не извиняться за резкости, когда выбран верный объект для осмеяния, верить в силу смеха и не морализировать назойливо во имя смятения острых углов. Муза сатиры вооружена бичом, а не оливковой ветвью.